

Check for updates

Теория и история культуры, искусства.
Раздел «У истоков научного
искусствознания в Герценовском
университете»

УДК 7.06

EDN YMIEIK

<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-2-101-113>

И. И. Иоффе как студент Университета при Психоневрологическом институте и Герценовского института: к вопросу о поиске учителей

В. Г. Ананьев [✉]¹

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Для цитирования: Ананьев, В. Г. (2025) И. И. Иоффе как студент Университета при Психоневрологическом институте и Герценовского института: к вопросу о поиске учителей. *Журнал интегративных исследований культуры*, т. 7, № 2, с. 101–113. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-2-101-113> EDN YMIEIK

Получена 12 марта 2025; прошла рецензирование 1 апреля 2025; принята 7 апреля 2025.

Финансирование: Публикация подготовлена за счет внутреннего гранта РГПУ им. А. И. Герцена (проект № 53-ВГ «Формирование методологических основ научного искусствознания в Герценовском университете (1920–1960-е гг.): антропология знания»).

Права: © В. Г. Ананьев (2025). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. В статье рассматривается студенческий период в биографии крупного отечественного историка и теоретика искусства, культуроведа Иеремии Исаевича Иоффе (1888–1947). Автор опирается на ряд материалов из Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга, Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга, Центрального государственного архива литературы и искусства Санкт-Петербурга, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Важнейшими источниками исследования являются студенческие дела И. И. Иоффе из фондов Психоневрологического института и Герценовского института, где он учился в 1917–1923 гг. Особое значение имеют его матрикулы, т. к. они позволяют уточнить номенклатуру изучавшихся им дисциплин и персоналии его преподавателей. Анализ этих материалов позволяет автору статьи констатировать, что срок обучения в Психоневрологическом институте был слишком коротким, чтобы учеба там могла рассматриваться в качестве определяющей для складывания научной манеры И. И. Иоффе. Выводы, делающиеся на этот счет в историографии, зачастую кажутся малообоснованными. Учеба в Герценовском институте, напротив, вполне могла оказать существенное влияние на стиль научного мышления И. И. Иоффе. Определенно, его патронами в дальнейшем выступали его педагоги из Герценовского института: Василий Алексеевич Десницкий и Борис Александрович Фингерт.

Ключевые слова: Иеремия Исаевич Иоффе, Василий Алексеевич Десницкий, Борис Александрович Фингерт, Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена, искусствоведение в Герценовском университете, искусствознание

I. I. Ioffe as a University student at the Psychoneurological Institute and the Herzen Institute: On the issue of finding teachers

V. G. Ananiev [✉]¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

For citation: Ananiev, V. G. (2025) I. I. Ioffe as a University student at the Psychoneurological Institute and the Herzen Institute: On the issue of finding teachers. *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 7, no. 2, pp. 101–113. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-2-101-113> EDN YMIEIK

Received 12 March 2025; reviewed 1 April 2025; accepted 7 April 2025.

Funding: The publication was prepared at the expense of an internal grant from the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University (project No. 53-VG “Formation of the methodological foundations of scientific art studies at Herzen University (1920-1960s): anthropology of knowledge”).

Copyright: © V. G. Ananiev (2025). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/) License 4.0.

Abstract. The article is devoted to the student period in the biography of a prominent Russian art historian and art theorist, expert in cultural studies Ieremia Isaevitch Ioffe (1888–1947). The author analyzes materials from the Central State Historical Archive of Saint Petersburg, the Central State Archive of Saint Petersburg, the Central State Archive of Historical and Political Documents of Saint Petersburg, the Central State Archive of Literature and Arts of Saint Petersburg, many of which are being introduced into scientific usage for the first time. The most important primary sources of the study are I. I. Ioffe's student files from the collections of the Psychoneurological Institute and the Herzen Institute, where he studied in 1917–1923. His matricula are documents of particular importance, since they allow us to clarify the nomenclature of the disciplines he studied and the personalities of his teachers. An analysis of these materials allows the author of the article to state that the time of study at the Psychoneurological Institute was too short for studies there to be considered as decisive for the formation of I. I. Ioffe. The conclusions made on this account in historiography often seem poorly substantiated. Studying at the Herzen Institute, on the contrary, could well have had a significant influence on I. I. Ioffe's style of thinking as a scholar. Certainly, his future patrons were precisely his teachers from there — Vasily Alekseevich Desnitsky and Boris Aleksandrovich Fingert.

Keywords: I. I. Ioffe, V. A. Desnitsky, B. A. Fingert, Leningrad State Pedagogical Institute named after A. I. Herzen, art history at Herzen University, art history

В исследованиях, посвященных истории науки, студенческие годы в биографии того или иного ученого зачастую априори рассматриваются как важнейший этап формирования его научной идентичности. Его преподаватели получают высокий статус «учителей» (иногда и с большой буквы), а формальные связи в контексте «студент — руководитель» превращаются в критерии для выстраивания генеалогий научных школ (Петров 2008). Безусловно, отрицать влияние интеллектуального и институционального контекста периода обучения на складывание научных взглядов ученого (особенно в области гуманитарных дисциплин) было бы абсурдным. Но и априорное утверждение их определяющего влияния представляется излишним упрощением. В данной краткой статье обратимся к студенческому периоду в биографии крупнейшего отечественного теоретика искусства и культуроведа Иеремии Исаевича Иоффе (1888–1947) (одного из пионеров отечественных интегративных исследований культуры) и попытаемся на основании имеющихся архивных материалов посмотреть: в какой степени интеллектуальный контекст и институциональные возможности

(номенклатура дисциплин в осваивавшихся им учебных планах, персоналии преподавателей) могут быть связаны с его чрезвычайно оригинальными теоретическими построениями второй половины 1920-х — первой половины 1940-х гг.

Автору статьи уже приходилось писать о ранних годах И. И. Иоффе, на основании прежде не привлекавших внимания исследователей архивных материалов уточняя основные факты его биографии допетроградского и петроградского периодов (Ананьев 2022). Сейчас же постараемся не повторять изложенного ранее, а взглянем на проблему «портрета ученого в юности» через призму его студенческих материалов, и в частности двух сохранившихся матрикулов (зачетных книжек) И. И. Иоффе.

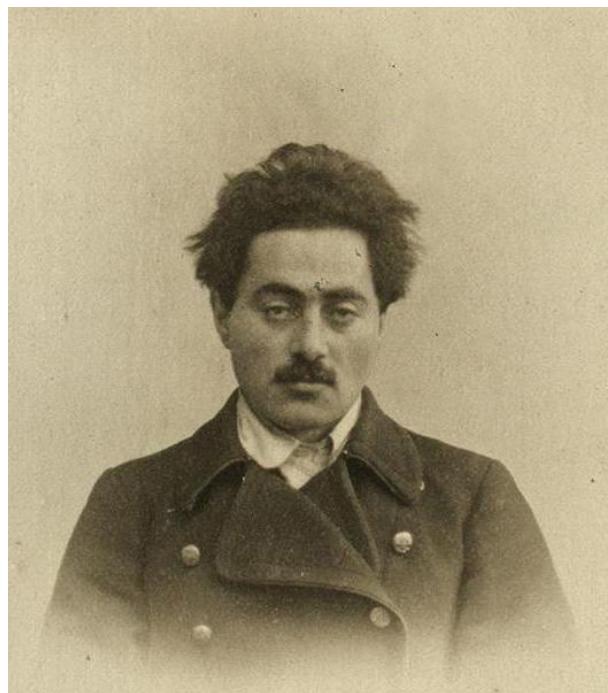
Как хорошо известно, И. И. Иоффе последовательно учился в Петрограде в двух высших учебных заведениях: в Университете при Психоневрологическом институте и Герценовском институте (здесь и далее мы будем преимущественно использовать это общее название, т. к. точные наименования педагогического вуза в период учебы там И. И. Иоффе менялись:

поступал он в Третий педагогический институт, а заканчивал уже основанный на его базе Петроградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена).

О первом месте учебы И. И. Иоффе казанский историк Л. А. Сыченкова, многолетняя исследовательница биографии и наследия ученого, во многом еще в начале 1990-х гг. способствовавшая возвращению его имени в научный обиход отечественной гуманитарной науки, в новейшей работе, пишет: «В Психоневрологическом институте И. Иоффе проучился всего два года — с 1916 по 1918 г., но это был очень важный период становления его личности и выбора будущей профессии. Именно в Психоневрологическом институте были заложены основы мировоззрения И. Иоффе» (Сыченкова 2022, 218). Так ли это? Или же здесь имеет место некоторая исследовательская инерция? Попробуем рассмотреть этот сюжет с опорой на наличные источники.

Во-первых, отметим, что в университете при Психоневрологическом институте И. И. Иоффе учился не с 1916, а с 1917 г. Заявление от него секретарю учебного комитета на личный прием с ходатайством о зачислении студентом датировано 19 октября 1917 г. (Личное дело студента... 1917–1918, 17, 22). Виза — «зачисляется в число студентов» проставлена 6 ноября 1917 г. (Личное дело студента... 1917–1918, 17). Как видим, уже это значительно сокращает срок его и без того краткого обучения здесь. Поступил он на основное отделение этого высшего учебного заведения, ставившее «своей целью давать своим слушателям не детальное и всестороннее знание одного предмета или цикла родственных наук, а общее знакомство с возможно большим числом различных дисциплин науки. Поэтому при прохождении курса Основного отделения студенты слушают лекции по всем основным дисциплинам университетского преподавания как из области естественных наук, так и из области наук гуманитарных» (Справочник основного отделения... 1916, 4). Таким образом, это было весьма насыщенное, но, естественно, не слишком глубокое в деталях освоение общих знаний по практически полной палитре укрупненных университетских дисциплин от физики и химии до истории и анатомии.

Обычно обучение на этом отделении длилось два года, но если студент затем планировал специализироваться по медицинскому факультету того же университета, обучение на основном отделении сокращалось до одного года, а общеобразовательные дисциплины дочитывались на втором курсе медицинского факультета (Справочник основного отделения... 1916,

Ил. 1. И. И. Иоффе — студент Университета при Психо-неврологическом институте, 1918 г.
ЦГА СПб

Fig. 1. I. I. Ioffe as student of the University by Psychoneurological Institute, 1918.
The Central State Archive of Saint-Petersburg

4–5). Именно так И. И. Иоффе и поступил. Уже 19 апреля 1918 г. он подал в канцелярию университета заявление следующего содержания: «Ввиду того, что к 18/IV с. г. мной был сдан необходимый для перечисления на медицинский факультет *minimatum*, прошу перевести меня на названный факультет на 1918/19 учебный год» (Личное дело студента... 1917–1918, 38). Таким образом, получается, что учеба на основном отделении длилась менее полугода (ноябрь 1917 г. — апрель 1918 гг.), и это в условиях Петрограда осени 1917 г. — зимы 1918 гг., когда в революционной обстановке учебный процесс наверняка шел отнюдь не без сбоев.

Студенты основного отделения на первом курсе действительно должны были осваивать широкий круг дисциплин: математику, физику, неорганическую химию, геологию, общую биологию, анатомию с антропологией, общую и экспериментальную психологию, логику, введение в философию, всеобщую историю, историю русской литературы, историю искусств и введение в социологию (Справочник основного отделения... 1916, 6). По крайней мере, таким был план на 1916/17 учебный год. Преподаватели были хотя преимущественно молодые, но весьма авторитетные, ученики крупнейших ученых своего времени, зачастую весьма либерально

настроенные. В том же 1916/17 учебном году (возьмем только дисциплины, которые будут в дальнейшем профилирующими в научном творчестве самого И. И. Иоффе) всеобщую историю читал В. А. Бутенко (ученик Н. И. Ка-реева), русскую историю М. Д. Приселков (ученик С. Ф. Платонова и А. А. Шахматова) (но для студентов второго курса), русскую литературу С. А. Венгеров (сам уже создатель научной школы), введение в социологию К. М. Тахтарев (Справочник основного отделения... 1916, 16–18). Историю изобразительных искусств (по три лекции в неделю для студентов 1-го курса) преподавал В. Н. Пясецкий (Справочник основного отделения... 1916, 18), и на этом стоит остановиться особо.

Естественно, искусствоведческие интересы И. И. Иоффе, проявившиеся в середине — начале второй половины 1920-х гг., делают особенно соблазнительным увидеть именно в архитекторе и инженере Владимире Николаевиче Пясецком того самого человека, который если и не определил дальнейшие искания своего студента, то уж точно как-то на них повлиял. Например, Л. А. Сыченкова пишет: «Эксперименты И. И. Иоффе в методике преподавания истории искусств дают основания предполагать, что он многое воспринял у Пясецкого, хотя никогда не упоминал о нем в своих книгах» (Сыченкова 2022, 219). Это не кажется сколько-нибудь убедительным просто потому, что у нас нет никаких доказательств данному выводу. Если сам И. И. Иоффе прямо никогда не писал о влиянии этого своего педагога, доказать такое влияние можно только, сопоставив их научные взгляды или хотя бы общие установки на понимание природы искусства. Принцип наглядности, который в качестве единственного примера приводит Л. А. Сыченкова, в начале XX в. был уже столь широко признан необходимым, что кажется здесь не слишком убедительным доказательством. Вероятно, более убедительные можно было бы найти, обратившись к изданной В. Н. Пясецким краткой программе курса по всемирной истории изобразительных искусств, зафиксировавшей то, как этот курс должен был им читаться в университете при Психоневрологическом институте к 1911/12 учебному году (Пясецкий 1912).

Так, В. Н. Пясецкий следующим образом излагает там собственное понимание назначения искусства: «Поднять нас над пошлостью только материальных интересов, облагородить жизнь бескорыстными духовными радостями и, идеализируя все стороны жизни, вести нас к лучшей жизни» (Пясецкий 1912, 8). В этом и кроется, по словам автора, «образовательное и воспита-

тельное значение искусства» (Пясецкий 1912, 8). Человек, познакомившийся с его достижениями, «не только духовно становится лучше, но и в чисто утилитарном смысле, как рабочая сила страны, становится продуктивнее и ценнее по качеству своей работы» (Пясецкий 1912, 9). Отсылки к идеям Платона и практике представителей английской Южно-Кенсингтонской школы дают общее представления о том, какими (в основе — идеалистическими) были теоретические рамки представлений В. Н. Пясецкого о сущности искусства. Это довольно далеко от того, что в дальнейшем будет развивать И. И. Иоффе, видевший в искусстве одну из форм общественного мышления и всегда выступавший резко против всякого идеализма.

По словам самого В. Н. Пясецкого, его курс представлял собой пример «полного, хотя бы и сжатого, курса “Всемирной истории изобразительных искусств”, вместо тех некоторых ее отделов, которые изучаются в Университетах» (Пясецкий 1912, 10). И действительно, судя по программе, он охватывал все изобразительные искусства всех народов мира, начиная с искусства «доисторических рас, первобытных и полукультурных народов всех стран света» и заканчивая современным искусством рубежа XIX–XX вв., «всюду, где поселились европейцы» (Пясецкий 1912, 11–13). Содержание курса составляли «история возникновения, описание, анализ и характеристика форм лучших памятников архитектуры, скульптуры, живописи, художественной промышленности и орнамента всех стилей, охватывающие эволюцию цивилизаций и объединения искусствами всего человечества» (Пясецкий 1912, 14). При этом следует отметить, как именно В. Н. Пясецкий трактовал сам феномен произведения искусства. В «Примечаниях к программе» оговаривалось: «Произведения искусства каждого стиля рассматриваются в связи со средой, их породившей (природой страны и культурой народа), т. е. в зависимости от физических и психических факторов, влиявших на образование форм данного стиля» (Пясецкий 1912, 14). Обзорный характер курса, конечно же, не давал возможности углубленного рассмотрения отдельных памятников или проблем из области искусствоведения. Тем интереснее, что чуть ли не единственной теоретической проблемой, особо выделенной в программе курса, оказывалась проблема стиля, который автор считал «фазами постоянно изменяющегося языка искусства», способными «всегда, по теории влияния на них среды <...> объяснять нам этническую, хронологическую и индивидуальную характеристику народа» (Пясецкий 1912, 4–5). Проблема стиля будет занимать важное место и в научном

творчестве И. И. Иоффе, особенно периода середины — второй половины 1920-х гг. Но то определение, которое дает стилю он, конечно, не идентично определению В. Н. Пясецкого. В монографии «Культура и стиль» (1927) он определяет стиль как «результат социального расслоения», «результат оттеснения одной культуры другой» (Иоффе 1927, 5), весьма далекий от того, чтобы объяснять этническую характеристику того или иного народа.

Наконец, стоит отметить и еще один аспект, связанный с упоминавшейся выше наглядностью обучения. Демонстрация слайдов хотя и с трудом, но все же входила в начале XX в. в практику преподавания искусствоведения в России. Волшебный фонарь и материалы к нему были дороги. Отнюдь не все вузы могли их себе позволить. Зачастую, как, например, в Санкт-Петербургском университете, дело сводилось к совместному разглядыванию увражей, в ходе которого профессор мог давать студентам какие-то комментарии (Зубов 2004, 94). Сам И. И. Иоффе в середине 1940-х гг. будет читать лекции в ЛГУ, уже демонстрируя студентам диапозитивы (Покровский, 5–6).

Чтобы решить проблему наглядности, В. Н. Пясецкий разработал весьма интересный способ. В «Примечаниях к программе» он разъяснял: «Во избежание потери лекционного времени на демонстрирование изображений, а также для возможности одновременного сравнения между собою всех изображений, поясняющих читаемый отдел курса, лекции иллюстрируются стеклами таблицами. Коллекция из 500 таких таблиц (разм. 71 на 102 сант.), состоящая из гравюр, фотографий, литографий, отпечатков, чертежей, рисунков и акварелей, изображающих лучшие произведения искусства всех времен и народов, принадлежит лектору, собрана им систематически и применительно к настоящей программе <...> Части коллекции, относящиеся к предстоящим лекциям, размещаются на щитах в аудитории заблаговременно для возможности ближайшего ознакомления с ними не только во время перерывов между лекциями, но и до них. Чтобы лучше следить за таблицами во время лекций, рекомендуется пользование биноклем» (Пясецкий 1912, 15). До тех пор, пока не станет понятен принцип расположения материалов на этих таблицах, от каких бы то ни было дальнейших умозаключений относительно них придется воздержаться. Хотя мысль о том, что именно соположение в поле одного планшета (или нескольких соседних) материалов разных эпох и культур оказало влияние на дальнейшие диахронные построения И. И. Иоффе и его умение видеть одновременно как связанные друг с другом

памятники, разнесенные во времени и пространстве, это не более чем гипотеза. Важнее кажется другое. Судя по всему, эти воспроизведения на планшетах были первичным, если и не вовсе единственным на конец 1910-х гг., опытом его встречи с изобразительным искусством.

Также В. Н. Пясецкий не ограничивался демонстрацией одного лишь копийного материала. Он рекомендовал своим слушателям «систематически знакомиться с подлинными художественными произведениями и их копиями, хранящимися в петербургских музеях и описанными в каталогах» (Пясецкий 1912, 15). Но этой возможности студент Иоффе как раз и был фактически лишен! Осенью 1917 — зимой 1918 гг. в революционном Петрограде крупнейшие музеиные собрания были или частично, или полностью недоступными для осмотра. О его визуальном опыте до этого момента можно только догадываться, но, судя по всему, в части контакта с подлинниками он практически отсутствовал. И вот это, кажется, действительно в какой-то мере повлияло на дальнейшие научные взгляды И. И. Иоффе. Работая в области синтетического изучения искусства, И. И. Иоффе, обращаясь к визуальным искусствам, не колебался делать выводы на основании репродукций, за что иногда подвергался критике, и, вообще, отдельное произведение искусства почти никогда не видел изолированным и самоценным артефактом, а всегда частью более масштабного целого — возможно, чем-то вроде фотографии на планшете Пясецкого. Впрочем, и последнее, конечно же, тоже не более чем предположение.

Неизвестно, посещал ли И. И. Иоффе лекции В. Н. Пясецкого, если посещал, то как старательно, или же сдал экзамен с опорой на знания, полученные самостоятельно. В конечном счете, в 1918 г. ему исполнилось уже 30 лет, и что из себя представлял интеллектуальный багаж, с которым он приехал в Петроград, мы не знаем. В январе 1919 г. он сообщил в канцелярию своего учебного заведения о том, что потерял паспорт и матрикул (Личное дело студента... 1917–1918, л. 27), так что в студенческом деле сохранился лишь дубликат последнего, заполненный уже в марте 1919 г. (Личное дело студента... 1917–1918, л. 35). В него оказались внесены только предметы, сданные в апреле 1918 г. — неорганическая химия, физика и биология (Личное дело студента... 1917–1918, л. 2). Насколько интенсивно шло обучение в осеннем семестре 1918 г. уже на медицинском факультете, тоже неясно. Формально И. И. Иоффе оставался студентом Второго петроградского университета (в который был преобразован в 1918 г. на медицинский факультет университета при

Психо-неврологическом институте) как минимум до марта 1919 г. Но ни отметок о сдаче зачетов и экзаменов, ни информации об оплате обучения за этот период в архивном деле нет. Зато есть указание на то, где студент провел летние каникулы. 15 августа 1918 г. датировано его письмо в канцелярию с просьбой уточнить, был ли он переведен на медицинский факультета и что «необходимо студенту для получения разрешения на въезд в Петроград». Обратный адрес указан: «с. Старое Сеславино, Козловского уезда, Тамбовской губернии, врачу Ц. И. Иоффе для Иеремии Иоффе» (Личное дело студента... 1917–1918, л. 23). Таким образом, из голодного Петрограда он сумел выехать к сестре Цире, где и провел летние месяцы (или их часть). Осенью 1918 г. И. И. Иоффе вернулся в Петроград и продолжил учебу, но уже в новом месте и с более очевидными для его дальнейшей биографии результатами. Он стал студентом петроградского Третьего педагогического института.

В отличие от учебы в университете при Психоневрологическом институте, этот этап студенчества И. И. Иоффе мы можем себе представить достаточно хорошо, т. к. в архивном фонде РГПУ им. А. И. Герцена в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга сохранился его заполненный матрикул. Подписанный ректором А. И. Пинкевичем, этот документ удостоверяет, что И. И. Иоффе был студентом отделения языка и литературы (цикл — литературно-художественный) с 1 сентября 1918 г. по 23 марта 1923 г. (Матрикул студента... 1918–1923, л. 1–10). Таким образом, еще раз подчеркнем, что сюда он перешел не потому, что Психоневрологический институт закрылся (как писал впоследствии он сам и как вслед за ним указывают его биографы). Его медицинский факультет продолжал действовать, и И. И. Иоффе формально продолжал обучение там вплоть до марта 1919 г. Очевидно, революционные изменения, открывшие новые возможности в обучении, в том числе и для лиц иудейского вероисповедания, сыграли в этой перемене учебного куса решающую роль.

До революции изучать язык и литературу И. И. Иоффе попросту не мог бы — на них невозможно было бы построить дальнейшую профессиональную биографию и зарабатывать себе на жизнь. Профессия врача (освоенная и старшей сестрой Цирой, с которой он был, вероятно, довольно близок) оказывалась одной из немногих возможных. После революции 1917 г. ситуация изменилась. Выбор стал гораздо богаче. В Петрограде открылся новый педагогический вуз — Третий педагогический институт, основатели которого принимали пафос нового революцион-

ного жизнестроительства и целью своей видели подготовку новых учителей, активных участников намечающихся преобразований (Волков 2007). Сюда на учебу и поступает И. И. Иоффе, причем для освоения выбирает гуманитарное направление, связанное с филологией. В его матрикуле будет отмечено, что трудностей к выдаче «свидетельства по отделению языка и литературы не имеется. Вопрос о выдаче свидетельства по отделению соц-историческому, т. к. студентом Иоффе и по этому отделению выполнены почти целиком, будет поставлен в отделении дополнительно» (Матрикул студента... 1918–1923, л. 10). В этом отношении, возможно, следовало бы говорить о влиянии на студента на рубеже 1917–1918 гг. не столько преподавателя истории изобразительных искусств В. Н. Пясецкого, сколько С. А. Венгерова, читавшего в университете при Психоневрологическом институте историю русской литературы.

Но и здесь найти очевидные доказательства влияния или преемственности не получается. Характеризуя научные взгляды Семена Афанасьевича Венгерова, В. Эрлих, например, пишет, что они были «в целом традиционны: смесь идеологизированной критики с академическим биографизмом» (Эрлих 1996, 57). Например, А. К. Депретто отмечает такие составляющие его педагогического метода, как прививка вкуса к работе в архивах или составление подсобного справочного аппарата на карточках (Депретто 2015, 85), что явно никак не отразилось на манере работы И. И. Иоффе. В то же время у него вполне могли найти отклик такие установки С. А. Венгерова, как отказ от изолированного изучения творчества отдельного писателя, без учета контекста, в котором он творил, утверждение того, что «история русской литературы должна строиться не вокруг великих личностей, но вокруг великих событий в интеллектуальной жизни общества, для которых писатели служат выразителями...» (Депретто 2015, 86).

Впрочем, и это не более чем предположение. Для того чтобы сделать более обоснованные выводы, обратимся к матрикулу и посмотрим, кем были учителя И. И. Иоффе в Герценовском институте. Не все подписи удается расшифровать однозначно, но общая картина кажется все же понятной.

Больше всего курсов И. И. Иоффе прослушал у Василия Алексеевича Десницкого. Это были русская литература (методология и устное народное творчество), история русской литературы (три курса), методика преподавания русской литературы, история революционного движения в России, а также рефераты:

«По и Андреев», «Тютчев и Некрасов» и по методике преподавания русской литературы и методике литературы. Всего десять позиций. На втором месте шли историк Александр Евгеньевич Кудрявцев и лингвист Борис Александрович Ларин. У первого студент слушал четыре курса всеобщей истории и методику обществоведения, а также сдавал ему рефераты на темы «Еврипид» и «Плиний». У второго — курсы польского, сербского и древнеболгарского языков, русскую диалектологию и историю русского языка. Еще четыре курса он прослушал у историка Н. А. Рожкова — названия двух из них не читаются, а еще два относились к истории России XIX в. и русской географии (?)*. Две части курса всеобщей литературы ему читали А. Я. Левинсон и А. А. Гвоздев, синтаксис русского языка — Д. В. Бубрих, историю педагогики — О. Е. Сыркина, педагогию — Л. Г. Оршанский, анатомию человека — С. А. Петров (личность не установлена), историю искусств — Б. В. Фармаковский, советскую конституцию — Б. А. Фингерт (Матрикул студента... 1918–1923, л. 1–10).

Без имени преподавателя в матрикуле обозначены как освоенные: педагогическое рисование**, логика, социология, психология, методология и философия истории, поэтика, история народного образования, история древней филологии, методика родного языка и немецкий язык (Матрикул студента... 1918–1923, л. 1–10). Вместе взятые все эти предметы, безусловно, должны были стать основой добродушной подготовки будущего преподавателя русского языка и литературы и дать студенту хорошую филологическую базу. Утверждение Л. А. Сыченковой о том, что И. И. Иоффе в Герценовском институте «получил образование по двум специальностям: филология и искусствоведение» (Сыченкова 2022, 218), не находит подкрепления в источниках, тем более что никакой особой специальности «искусствоведение» в институте тогда не было. С учетом приведенной выше записи В. А. Десницкого в матрикуле относительно возможности выдачи свидетельства по соц-историческому отделению, можно говорить о филологии и истории или обществоведении в широком смысле, но не о искусствоведении. Более того, никаких свидетельств особого интереса студента к изобразительным искусствам в этот период также

* О его роли в формировании научных установок И. И. Иоффе (которая кажется все еще не доказанной) уже писали раньше (см.: Ананьев 2022).

** Следует особо отметить, тот факт, что много писавший впоследствии об изобразительном искусстве И. И. Иоффе и сам получил некие навыки рисования. О современном состоянии проблемы см. (Корвацкая 2024).

нет. В автобиографии 1923 г. И. И. Иоффе будет вспоминать: «По представлении дипломной работы о Бестужеве-Марлинском был оставлен при Институте для подготовки к профессорской деятельности. В течение курса мной написаны и зачтены следующие работы: Путь Белинского, Эдгар По и Достоевский, Скрябин как поэт и философ (опыт социологического анализа мировоззрения) и методическая работа о Лермонтове» (Личное дело И. И. Иоффе 1923–1927, л. 7). Тогда же В. А. Десницкий написал о нем: «Четко усвоенный им и проводимый в дипломной работе и рефератах марксистский социологический метод обещал дать из него особенно ценного работника по литературе для высшей школы» (Личное дело И. И. Иоффе 1923–1927, л. 17). Таким образом, представляется, что к комплексному осмыслению феномена искусства (синтетической истории искусства) И. И. Иоффе пришел от изучения литературы, сначала добавив к ней музыку, что, возможно, было связано с традициями семьи, которая, как отмечает Л. А. Сыченкова, была довольно музыкальной (Сыченкова 2022, 215), — отсюда реферат о Скрябине, весьма популярном в постреволюционном Петрограде (Кузнецова, Купец 2007) и уже тогда рассматривавшемся в качестве одного из пионеров синтеза искусств, и уже затем обратившись к изобразительным искусствам и кинематографу.

И в этом именно Герценовский институт, как представляется, сыграл решающую роль. Безусловно, в ретроспективной оценке крупнейшими учеными среди педагогов И. И. Иоффе следует признать Б. В. Ларина и Д. В. Бубриха. Впоследствии они оба станут и докторами наук, и членами-корреспондентами академий (Бубрих — союзной в 1946 г., Ларин — УССР в 1945 г., действительным членом Литовской академии в 1949 г.) (Колосова 2002). Но к рубежу 1910–1920-х гг. они были молодыми учеными, на несколько лет моложе своего 30-летнего студента, только начинали свой путь в науке и, что особенно важно, преподавали весьма специальные дисциплины из той части филологии (лингвистика), которая в дальнейшем никак не отразится на творческих искааниях И. И. Иоффе. На складывание его научных интересов и методологических установок они никак не повлияли, чего нельзя сказать о его главном учителе в Герценовском институте — В. А. Десницком. Судя по всему, влияние его было самым непосредственным и весьма своеобразным.

Скажем подробнее: В. А. Десницкий (1878–1958) — яркая, но все еще недостаточно изученная фигура в истории отечественной общественной мысли и гуманитарной науки первой

половины XX в. В 1907 г. он окончил филологическое и юридическое отделения Дерптского университета, затем примкнул к революционному движению, вступил в РСДРП (1902), был близок к Максиму Горькому, встречался с Лениным, отношениями с которым зачастую объясняется отказ В. А. Десницкого вступить в РСДРП (б). С 1920 г. беспартийный. До революции никакой научной работы не вел, иногда преподавал в Юрьеве, но в основном занимался революционной деятельностью. В 1918 г. вместе с другими близкими к Горькому интеллигентами из числа принявших советскую власть он стал одним из основателей Третьего педагогического института (Личное дело В. А. Десницкого 1923–1932, 70–71). 30 мая 1919 г. он был избран проректором института сроком на три года (Личное дело В. А. Десницкого 1923–1932, 13). К февралю 1920 г. был не только проректором, но и штатным профессором по кафедре истории русского языка и методики (Личное дело В. А. Десницкого 1923–1932, 14). Вероятно, с 1918 г. он возглавлял эту кафедру, к сентябрю 1922 г. был еще и деканом гуманитарного факультета (Личное дело В. А. Десницкого 1923–1932, л. 31). Как видим, административная нагрузка В. А. Десницкого на момент обучения у него И. И. Иоффе была более чем велика: проректор, декан, заведующий кафедрой, профессор. Одного этого хватило бы, чтобы занять все его время. Но внутриинститутскими заботами дело не ограничивалось. Давали о себе знать и старые расхождения с большевиками. Так, например, в личном деле ученого в архивном фонде РГПУ им. А. И. Герцена сохранился отпуск телеграммы, направленной в 1922 г. в Москву, следующего содержания: «Москва. Главпрофобр. Яковлевой. Арестован профессор Десницкий. Причины неизвестны. Прошу содействия освобождению. Ректор Института Герцена Пинкевич» (Личное дело В. А. Десницкого 1923–1932, л. 27). Тогда же имя В. А. Десницкого было включено в список представителей интеллигенции, намеченных к высылке из страны, а в декабре того же 1922 г. было принято решение о высылке его из Петрограда в Вятскую губернию. Нет сомнений, что такая активная политическая жизнь вместе с высокой административной нагрузкой влияли на качество его преподавания. Показательны следующие характеристики конца 1920-х гг., сохранившиеся в делах Герценовского института.

В характеристике преподавателей по кафедре методики и методологии литературы (датируемой, вероятно, 1927 г.) о нем говорится следующее: «Как марксист недостаточно внедряет марксизм в преподавательскую и студенческую среду, ле-

нится, недобросовестно относится к занятиям, не учитывая социальную среду нашего студенчества, острит по поводу мероприятий Советской власти, что может влиять неблагожелательно в политическом отношении. Авторитетен среди преподавателей и студентов» (Характеристики преподавателей... 1927, л. 2). Общий итог характеристики следующий: «1) общая подготовка вполне удовлетворяет, 2) марксистская установка есть, 3) как педагог вполне подходит, но в следствии перегрузки не вполне удовлетворяет, 4) студентов удовлетворяет с выше указанной оговоркой» (Характеристики преподавателей... 1927, л. 5). Примерно то же самое было повторено и в 1929 г.: «Квалификации соответствует. Основной работник отделения. К занятиям неаккуратен. Политически в настоящий момент критически относится к действительности, но один из близких советской власти <...> Ценный, незаменимый сотрудник» (Характеристики преподавателей... 1927, л. 17). К его карточке научного работника, сохранившейся в архиве историко-политических документов, оказалась приложена машинопись с характеристикой следующего содержания: «Объединяет вокруг себя левую марксистскую профессуру и как профессор хорош. Как декан, мало активен, хотя и обладает организаторскими способностями. Ленив. К Советской власти лоялен» (Карточка научного работника... 1917, л. 2).

Можно утверждать, что встреча с этим «ленивым, но незаменимым работником» стала определяющей для дальнейшей научной карьеры И. И. Иоффе. Хорошо прослеживается, как он оказывается на преподавательских и научных должностях в тех самых заведениях, в которых незадолго до этого начинает работать В. А. Десницкий. Так было и с первой преподавательской работой И. И. Иоффе в Коммунистическом университете им. Зиновьева (где В. А. Десницкий читал лекции в 1919–1920 гг. (Личное дело В. А. Десницкого 1923–1932, л. 45)), и с Институтом сравнительной истории, литературы и языков Запада и Востока им. А. Н. Веселовского, и с Ленинградским государственным университетом, и с Государственной академией искусствознания. И на работу в родной Герценовский институт И. И. Иоффе был оставлен по ходатайству В. А. Десницкого. Научный руководитель явно выступал в роли патрона начиナющего ученого. При этом следует помнить, что никаких собственных научных трудов в области литературоведения у самого В. А. Десницкого к этому моменту еще не было. Зато у него явно была установка — разработать методологию изучения литературы, близкую к марксистскому методу. В каком-то смысле это была

установка всего новосозданного педагогического института — готовить кадры, пригодные для использования в условиях новой жизни, давать им в руки инструмент нового метода, чтобы нести по стране новое образование.

В чем именно состоял этот метод, в начале 1920-х гг. это был вопрос дискуссионный. Самым очевидным было, конечно же, искать его в области социологии. Вероятно, туда и направил своего талантливого и взрослого студента В. А. Десницкий. Отчасти, возможно, этим и объясняются как специфика дальнейших научных построений И. И. Иоффе, так и резкое неприятие их со стороны ученых-предметников. В студенческие годы он не получил строгой предметной подготовки, которая бы привила ему вкус к работе с отдельным памятником как историческим источником.

Читавший ему всеобщую историю А. Е. Кудрявцев, хотя и окончил в том же 1907 г., что и В. А. Десницкий, Дерптский университет, но тоже к концу 1910-х гг. был более активен как революционер и общественный деятель, а не как историк-исследователь. Он был ученым секретарем Третьего педагогического института, затем его главным библиотекарем, профессором. Собственные научные работы ученого, посвященные различным аспектам истории раннего Нового времени, зачастую носили обобщающий характер (Колосова 2002, 155). Иной была подготовка Б. В. Фармаковского, читавшего И. И. Иоффе историю искусств*. Он был учеником крупнейшего немецкого археолога В. Дерфельда, в начале XX в. примикивал к кружку «фактопоклонников», сформировавшемуся вокруг академика Н. П. Кондакова, вошел в историю отечественной археологии как первооткрыватель Ольвии и новатор в области научной методики раскопок (Колосова 2002, 277). В его научной биографии рубеж 1910–1920-х гг. был отмечен активным поиском новых подходов к анализу конкретно-исторического материала и самой методологии искусствоведческого исследования. Как неодобрительно замечал его старый товарищ и коллега С. А. Жебелев в письме Н. П. Кондакову от сентября 1924 г., «Фармаковский столько набрал себе лекций <...>, что заниматься наукой ему некогда. К тому же он интересуется теперь социологией искусства,

марксизмом в искусстве, одним словом, пошел далеко» (Тункина 2004, 728). В характеристике преподавателей Герценовского института конца 1920-х гг. о нем говорилось: «1) общая подготовка как преподавателя — вполне удовлетворительна, 2) попытка дать социологический анализ в преподавании дисциплин есть, 3) педагогический подход имеется, 4) студентов вполне удовлетворяет» (Характеристики преподавателей... 1927, л. 5). Но интересовали ли в конце 1910-х — начале 1920-х гг. И. И. Иоффе изобразительные искусства? Ответ на этот вопрос остается пока не вполне ясным. Рефераты на эту тему в матрикуле не упоминаются. В любом случае, научный авторитет Б. В. Фармаковского был не сравним с авторитетом В. Н. Пясецкого.

Из матрикула неясно, кто именно читал И. И. Иоффе курс социологии, но Советскую конституцию ему преподавал Борис Александрович Фингерт (1890–1960), и связи с ним также сохраняются на следующие десятилетия. В 1933 г. он будет редактором центральной монографии И. И. Иоффе — «Синтетическая история искусства». Весной 1919 г. Б. А. Фингерт был избран преподавателем и секретарем гуманитарного факультета Третьего педагогического института, а через несколько месяцев стал там профессором по кафедре социологии. В 1924–1925 гг. он был проректором вуза по учебной части, а с 1925 по 1928 г. и его ректором (Личное дело Б. А. Фингерта 1919–1929, л. 4). Когда-то и он начинал свою учебу в Санкт-Петербурге с университета при Психоневрологическом институте, хотя, судя по студенческому делу, дальше подачи документов дело там не пошло (Личное дело студента... 1908, л. 1–2). Учился он в итоге в Санкт-Петербургском университете (естественное отделение физико-математического факультета в 1908–1909 гг., юридический факультет в 1909–1913 гг.), а потом занимался самообразованием в Париже, где даже посещал какие-то занятия по философии в Сорбонне (1913–1914). В автобиографии 1928 г. он вспоминал: «...в течение своего первого студенческого года, помимо занятий в области естествознания (главным образом в области биологии), продолжал занятия и по общественным наукам. Более углубленное, нежели в гимназические годы, изучение общественно-научной литературы привело меня к сознанию, что факультет мною избран неправильно». На юридическом факультете, как писал Б. А. Фингерт, «отчасти моим руководителем был проф. М. М. Ковалевский», в Париже же студент «работал по методологии общественных наук, отчасти

* Здесь следует отметить, что согласно адресной и справочной книге «Весь Петроград» на 1917 г. (данные для которой собирались в конце 1916 г.), Б. В. Фармаковский был (среди прочего) и профессором университета при Психоневрологическом институте. Однако факт его знакомства со студентом сначала основного, а затем медицинского факультета И. И. Иоффе пока доказан быть не может.

под руководством Дюркгейма» (Б. А. Фингерт 1925, л. 3). Законченное высшее образование он все же получил как юрист, но ни к какой строгой научной школе, сформированной по принципу прочной связки «учитель — ученик», не принадлежал (хотя «отчасти» учился у крупнейших ученых своего времени) и широкие вопросы законов истории, жизни общества и психологии отдельного человека (чему будут посвящены его труды 1920—1930-х гг.) решал, опираясь скорее на интуитивное понимание метода марксизма, чем на отношение к этому методу как к догме или даже строго-научному инструменту. Опять же по его собственным словам: «Научную работу начал с 1912 г. Причем первоначально работал над вопросами методологии общественных наук, а позднее над вопросами общей методологии. С 1924 г. в связи со специальным интересом к проблеме генетических форм общественного сознания начал работать над вопросами методологии и психологии и с тех пор в центре моих научных интересов стоит проблема мышления в ее социологическом и психологическом аспектах, а в частности проблема соотношения между религиозным, научным и художественным мышлением» (Личное дело члена Союза... 1940, л. 3). Отметим и еще один факт — Б. А. Фингерт был на два года моложе И. И. Иоффе. Чем не пример того, что самые широкие вопросы можно ставить и успешно разрешать, сразу обращаясь в научной работе к синтезу, минуя стадию анализа?

Суммируя сделанные выше наблюдения, отметим, что если и искать каких-то учителей, оказавших влияние на формирование научной манеры И. И. Иоффе, то представляется, что наиболее подходящими для этой роли оказываются именно его преподаватели в Герценовском институте — В. А. Десницкий и Б. А. Фингерт. Конечно, и это утверждение страдает определенным телеологизмом. Речь может идти и о простом сходстве научных установок, вызванном духом времени, и даже об обратном влиянии. Например, близко знавшая И. И. Иоффе в 1930-е гг. филолог-классик О. М. Фрейденберг в своих скольз информативных, столь и пристрастных воспоминаниях писала: «Десницкий, позже Гр. Гуковский цинично крали его идеи, и в то же время травили» (Фрейденберг О. М. Пробег жизни, тетрадь 7, л. 209—209). И далее, вспоминая о защите И. И. Иоффе докторской диссертации в 1940 г. (в Герценовском институте, на заседании ученого совета филологического факультета, председателем которого был все тот же В. А. Десницкий, выступавший и в роли одного из оппонентов): «На вечер к Иоффе

я не поехала. У него мирно бражничал Десницкий, его притеснитель и плагиатор» (Фрейденберг О. М. Пробег жизни, тетрадь 12, л. 14)*.

Вероятно, все же речь шла не о прямом плагиате, а о чем-то вроде обратного влияния бывшего ученика на учителя. С учетом того, что преподавательская деятельность И. И. Иоффе в родном вузе началась и успешно продолжилась именно в тот период, когда В. А. Десницкий и Б. А. Фингерт занимали там ряд ключевых постов, можно не сомневаться, что методологические установки ранних работ недавнего студента находили отклик у преподавателей, некогда знакомивших его с основами методологии литературоведения, историей революционного движения в России и содержанием советской конституции. Оба получили высшее образование еще в позднеимперский период, но к моменту знакомства с И. И. Иоффе в науке делали лишь первые шаги. Оба, вероятно, обладали весьма широким кругозором, но не имели привитого в годы учебы и отработанного на разработке частных научных сюжетов метода обращения с материалом, рамок конкретной научной школы. Это и делало их более открытыми к новшествам, предлагаемым эпохой (а с учетом того, что оба новую власть приняли, это были, естественно, новшества из дискурсивного поля диалектического материализма), и в то же время более склонными к спекулятивным построениям, скорее дедуктивной, чем индуктивной логике научного мышления. Все это нашло отражение и в научном творчестве И. И. Иоффе, определив, в некоторой степени, как слабые, так и сильные его стороны.

Список сокращений

ОР ГРМ — Отдел рукописей Государственного Русского музея

ЦГА СПб — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга

ЦГАИПД СПб — Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга

ЦГАЛИ СПб — Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга

ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

---

* Автор искренне признателен Н. Ю. Костенко (РГГУ), приславшей выдержки из мемуаров О. М. Фрейденберг, касающиеся И. И. Иоффе. Ссылки на воспоминания даны по месту их хранения в Стэнфорде, листы — по нумерации, принятой по месту хранения электронной копии в РГГУ.

Abbreviations

CGA SPb — the Central State Archive of Saint-Petersburg

CGAIPD SPb — the Central State Archive of Historical and Political Documents of Saint-Petersburg

CGALI SPb — the Central State Archive of Literature and Arts of Saint-Petersburg

CSIA SPb — the Central State Historical Archive of Saint-Petersburg

OR GRM — the Department of Manuscripts of the State Russian Museum

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Источники

- Б. А. Фингерт. (1925) *Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга*. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 21032.
- Карточка научного работника. В. А. Десницкий. (1917) *Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга*. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 131904.
- Личное дело Б. А. Фингерта. (1919–1929) *Центральный государственный архив Санкт-Петербурга*. Ф. 4331. Оп. 2. Д. 833.
- Личное дело В. А. Десницкого. (1923–1932) *Центральный государственный архив Санкт-Петербурга*. Ф. 4331. Оп. 42. Д. 326.
- Личное дело И. И. Иоффе. (1923–1927) *Центральный государственный архив Санкт-Петербурга*. Ф. 4331. Оп. 42. Д. 72. 27 л.
- Личное дело студента Университета при Психоневрологическом институте Б. А. Фингерта. (1908) *Центральный государственный архив Санкт-Петербурга*. Ф. 115. Оп. 2. Д. 9714.
- Личное дело студента Университета при Психо-неврологическом институте И. И. Иофе. (1917–1918) *Центральный государственный архив Санкт-Петербурга*. Ф. 3081. Оп. 1. Д. 1269.
- Личное дело члена Союза композиторов Б. А. Фингерта. (1940) *Центральный государственный архив Санкт-Петербурга*. Ф. 348. Оп. 3. Д. 66. 5 л.
- Матрикул студента Петроградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена И. И. Иоффе. (1918–1923) *Центральный государственный архив Санкт-Петербурга*. Ф. 4331. Оп. 2. Д. 262.
- Покровский О. В. Воспоминания о Павле Николаевиче Филонове. *Отдел Рукописей Государственного Русского музея*. Ф. 100. Оп. 1. Д. 385.
- Фрейденберг О. М. Пробег жизни. *Hoover Institution Archives. Pasternak Family Papers*. Box 155–156.
- Характеристики преподавателей иностранного, литературного и педагогического отделений. (1927) *Центральный государственный архив Санкт-Петербурга*. Ф. 4331. Оп. 32. Д. 14.

Литература

- Ананьев, В. Г. (2022) К ранней биографии И. И. Иоффе: по архивным материалам. *Электронный научно-образовательный журнал «История»*, т. 13, вып. 4 (114), статья 15. <https://www.doi.org/10.18254/S207987840021181-8>
- Волков, В. С. (2007) *Первый ректор Третьего педагогического института в Петрограде: страницы жизни А. П. Пинкевича*. СПб.: Изд-во Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, 583 с.
- Депретто, К. (2015) *Формализм в России: предшественники, история, контекст*. М.: Новое литературное обозрение, 325 с.
- Зубов, В. П. (2004) *Страдные годы России*. М.: Индрик, 319 с.
- Иоффе, И. И. (1927) *Культура и стиль. Система и принципы социологии искусства: Литература, живопись, музыка национального, товарно-денежного, индустриального хозяйства*. Л.: Прибой, 366 с.
- Колосова, Е. М. (сост.). (2002) *Профессора Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена в XX веке: биографический справочник*. 2-е изд. СПб.: Изд-во Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, 331 с.
- Корвацкая, Е. С. (2024) Искусствоведческий рисунок в контексте проблематики проведения исследовательских практик. *Университетский научный журнал*, т. 83, с. 161–169. https://www.doi.org/10.25807/22225064_2024_83_161

- Кузнецова, Е. М., Купец, Л. А. (2007) «Жизнь после смерти...» (Музыка А. Скрябина в культурной политике России 1920-х годов). *Opus Studiosus*, № 2, с. 38–50.
- Петров, К. В. (2008) Петербургские научные школы по изучению истории феодальной России в постсоветский период: современное состояние и перспективы. В кн.: Л. А. Тимошина (сост.). *Историография, источниковедение, история России X–XX вв.* М.: Языки славянских культур, с. 539–564.
- Пясецкий, В. Н. (1912) *Краткая программа курса всемирной истории изобразительных искусств, читанного с 1907–1908 по 1911–1912 уч. г. в Психоневрологическом институте и на СПб. высших женских политехнических курсах*. 2-е изд. СПб.: Типография Т. П. Сойкина, 40 с.
- Справочник основного отделения Университета при Психоневрологическом институте на 1916–17 учебный год.* (1916) Петроград: Типография Н. П. Зандман Пр-ки (бывш. Безобразова), 30 с.
- Сыченкова, А. А. (2022) Образ Иеремии Исаевича Иоффе в письмах и воспоминаниях родственников и учеников. В кн.: Л. П. Репина, Н. И. Недашковская (ред.). *Историки об историках. К юбилею профессора Г. П. Мягкова*. М.: Аквилон, с. 209–233.
- Тункина, И. В. (2004) Академик Н. П. Кондаков: последние годы жизни (по материалам эпистолярного наследия). В кн.: И. П. Медведев (ред.). *Мир русской византистики: материалы архивов Санкт-Петербурга*. СПб.: Дмитрий Буланин, с. 641–765.
- Эрлих, В. (1996) *Русский формализм: история и теория*. СПб.: Академический проект, 350 с.

Sources

- B. A. Fingert [B. A. Fingert]. (1925) *Tsentral'nyj gosudarstvennyj arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga* [The Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg]. Fund 1728. Inventory no. 1. Archival unit 21032. (In Russian)
- Freidenberg O. M. Probeg zhizni [Freidenberg O. M. The race of life]. *Hoover Institution Archives*. Pasternak Family Papers. Box 155–156. (In Russian)
- Kartochka nauchnogo rabotnika. V. A. Desnitskij [The file of scientific worker. V. A. Desnitsky]. (1917) *Tsentral'nyj gosudarstvennyj arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga* [The Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg]. Fund 1728. Inventory no. 1. Archival unit 131904. (In Russian)
- Kharakteristiki prepodavatelej inostrannogo, literaturnogo i pedologicheskogo otdelenij [The characteristics of lecturers from the Departments of Foreign Languages, Literature and Pedology]. (1927) *Tsentral'nyj gosudarstvennyj arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga* [The Central State Archive of St. Petersburg]. Fund 4331. Inventory no. 32. Archival unit 14. (In Russian)
- Lichnoe delo B. A. Fingerta [The file of B. A. Fingert]. (1919–1929) *Tsentral'nyj gosudarstvennyj arkhiv Sankt-Peterburga* [The Central State Archive of St. Petersburg]. Fund 4331. Inventory no. 2. Archival unit 833. (In Russian)
- Lichnoe delo V. A. Desnitskogo [The file of V. A. Desnitsky]. (1923–1932) *Tsentral'nyj gosudarstvennyj arkhiv Sankt-Peterburga* [The Central State Archive of St. Petersburg]. Fund 4331. Inventory no. 42. Archival unit 326. (In Russian)
- Lichnoe delo I. I. Ioffe [The file of I. I. Ioffe]. (1923–1927) *Tsentral'nyj gosudarstvennyj arkhiv Sankt-Peterburga* [The Central State Archive of St. Petersburg]. Fund 4331. Inventory no. 42. Archival unit 72. 27 p. (In Russian)
- Lichnoe delo studenta Universiteta pri Psikho-nevrologicheskem institute B. A. Fingerta [The file of the student of the University by Psychoneurological Institute B. A. Fingert]. (1908) *Tsentral'nyj gosudarstvennyj arkhiv Sankt-Peterburga* [The Central State Historical Archive of St. Petersburg]. Fund 115. Inventory no. 2. Archival unit 9714. (In Russian)
- Lichnoe delo studenta Universiteta pri Psikho-nevrologicheskem institute I. I. Ioffe [The file of the student of the University by Psychoneurological Institute I. I. Ioffe]. (1917–1918) *Tsentral'nyj gosudarstvennyj arkhiv Sankt-Peterburga* [The Central State Archive of St. Petersburg]. Fund 3081. Inventory no. 1. Archival unit 1269. (In Russian)
- Lichnoe delo chlena Soyuza kompozitorov B. A. Fingerta [The file of the member of the Union of Soviet composers B. A. Fingert]. (1940) *Tsentral'nyj gosudarstvennyj arkhiv Sankt-Peterburga* [The Central State Archive of Literature and Arts of St. Petersburg]. Fund 348. Inventory no. 3. Archival unit 66. 5 p. (In Russian)
- Matrikul studenta Petrogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. A. I. Gertsena I. I. Ioffe [The gradebook of I. I. Ioffe as student of Petrograd State Pedagogical Institute named after A. I. Herzen]. (1918–1923) *Tsentral'nyj gosudarstvennyj arkhiv Sankt-Peterburga* [The Central State Archive of St. Petersburg]. Fund 4331. Inventory no. 2. Archival unit 262. (In Russian)
- Pokrovskij O. V. Vospominaniya o Pavle Nikolaeviche Filonove [Pokrovsky O. M. Memoirs on Pavel N. Filonov]. *Otdel rukopisej Gosudarstvennogo Russkogo muzeya* [The Department of Manuscripts of the State Russian Museum]. Fund 100. Inventory no. 1. Archival unit 385. (In Russian)

References

- Ananiev, V. G. (2022) K rannej biografi I. I. Ioffe: po arkhivnym materialam [On the early period in the biography of Ieremia Ioffe: Upon the archival materials]. *Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal "Istoriya" — Istoriya*, vol. 13, no. 4 (114), article 15. <https://www.doi.org/10.18254/S207987840021181-8> (In Russian)
- Depretto, C. (2015) *Formalizm v Rossii: predshestvenniki, istoriya, kontekst* [Formalism in Russia: Predecessors, history, context]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 325 p. (In Russian)
- Erlich, V. (1996) *Russkij formalizm: istoriya i teoriya* [The Russian formalism: History and theory]. Saint Petersburg: Akademicheskiy proekt Publ., 350 p. (In Russian)
- Ioffe, I. I. (1927) *Kul'tura i stil'. Sistema i printsipy sotsiologii iskusstv: Literatura, zhivopis', muzyka natural'nogo, tovarno-denezhnogo, industrial'nogo hozyajstva* [Culture and style. System and principles of sociology of arts: Literature, painting, music of natural, commodity-money, industrial economy]. Leningrad: Priboj Publ., 366 p. (In Russian)
- Kolosova, E. M. (comp.). (2002) *Professora Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena v XX veke: biograficheskij spravochnik* [The professors of Herzen State Pedagogical University of Russia in 20th century: Biographical dictionary]. 2nd ed. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical Univertsity of Russia Publ., 331 p. (In Russian)
- Korvackaya, E. S. (2024) Iskusstvovedcheskij risunok v kontekste problematiki provedeniya issledovatel'skikh praktik [Art history drawing in the context of research practices]. *Universitetskij nauchnyj zhurnal*, no. 83, pp. 161–169. https://www.doi.org/10.25807/22225064_2024_83_161 (In Russian)
- Kuznetsova, E. M., Kupets, L. A. (2007) "Zhizn' posle smerti..." (Muzyka A. Skryabina v kul'turnoj politike Rossii 1920-kh godov) ["Life after death..." (Skryabin's music in the cultural policy of Russia of the 1920s]. *Opus Studiosus*, no. 2, pp. 38–50. (In Russian)
- Petrov, K. V. (2008) Peterburgskie nauchnye shkoly po izucheniyu istorii feodal'noj Rossii v postsovetskij period: sovremennoe sostoyanie i perspektivy [St. Petersburg academic schools for studying the history of feudal Russia in post-Soviet period: Current state and prospects]. In: L. A. Timoshina (comp.). *Istoriografiya, istochnikovedenie, istoriya Rossii X–XX vv.* [Historiography, source studies, history of Russia X–XX cent.]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., pp. 539–564. (In Russian)
- Pyasetsky, V. N. (1912) *Kratkaya programma kursa vsemirnoj istorii izobrazitel'nykh iskusstv, chitannogo s 1907–1908 po 1911–1912 uch. g. v Psikhoneurologicheskom institute i na SPb. vysshikh zhenskikh politekhnicheskikh kursakh* [Brief program of the course of universal history of fine arts, read from 1907–1908 to 1911–1912 at the Psychoneurological Institute in Saint Petersburg and Higher Women's Polytechnical Courses]. 2nd ed. Saint Petersburg: T. P. Sojkin's Publ., 40 p. (In Russian)
- Spravochnik osnovnogo otdeleniya Universiteta pri Psikhoneurologicheskem institute na 1916–17 uchebnyj god* [Directory of the general department of the University by the Psikhoneurological Institute for the 1916–17 academic year]. (1916) Petrograd: N. P. Zandman Pr-ki (byvsh. Bezobrazova) Publ., 30 p. (In Russian)
- Sychenkova, L. A. (2022) Obraz Ieremii Isaevicha Ioffe v pis'makh i vospominaniyakh rodstvennikov i uchenikov [The image of Ieremia Isaevitch Joffe in the letters and memoirs of his relatives and students]. In: L. P. Repina, N. I. Nedashkovskaya (eds.). *Istoriki ob istorikakh. K yubileyu professora G. P. Myagkova* [Historians about historians. Festschrift in the honour of Professor G. P. Miagkov]. Moscow: Akvilon Publ., pp. 209–233. (In Russian)
- Tunkina, I. V. (2004) Akademik N. P. Kondakov: poslednie gody zhizni (po materialam epistolyarnogo naslediya) [Academician N. P. Kondakov: The last years of his life (based on the materials of the epistolary heritage)]. In: I. P. Medvedev (ed.). *Mir russkoj vizantinistiki* [The World of Byzantine Studies in Russia]. Saint Petersburg: Dmitrij Bulanin Publ., pp. 641–765. (In Russian)
- Volkov, V. S. (2007) *Pervyj rektor Tret'ego pedagogicheskogo instituta v Petrograde: stranitsy zhizni A. P. Pinkevicha* [First rector of the Third Pedagogical Institute in Petrograd: Pages of the life of A. P. Pinkevich]. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical Univertsity of Russia Publ., 583 p. (In Russian)
- Zubov, V. P. (2004) *Stradnye gody Rossii* [The years of Russia's sorrows]. Moscow: Indrik Publ., 319 p. (In Russian)

Сведения об авторе

Виталий Геннадьевич Ананьев, SPIN-код: 8884-9920, Scopus AuthorID: 57217866140, ORCID: 0000-0001-7413-6339, e-mail: vgananev@herzen.spb.ru

Доктор культурологии, профессор кафедры искусствоведения и педагогики искусства Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

Author

Vitaly G. Ananiev, SPIN: 8884-9920, Scopus AuthorID: 57217866140, ORCID: 0000-0001-7413-6339, e-mail: vgananev@herzen.spb.ru

Doctor of Cultural Studies, Professor at the Department of Art History and Art Education, Herzen State Pedagogical University of Russia